
ВЕЛИКИЕ ИМЕНА. ПРОЗА ИЗВЕСТНЫХ ЛЮДЕЙ И О НИХ

ШЕРАМИ
БАНДРИК

Подсолнухи

Роман о Винсенте Ван Гогe

Москва
2015

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б23

Sheramy Bundrick
SUNFLOWERS

Sheramy Bundrick «Sunflowers» © 2009

Перевод с английского *Е. Матвеевой*

Художественное оформление *П. Петрова*

В оформлении обложки использована репродукция
картины Винсента Ван Гога «Автопортрет 1887 года»

Бандрик, Шерами.

Б23 Подсолнухи : роман о Винсенте Ван Гоге/ Шерами Бандрик ; [пер. с англ. Е. Е. Матвеевой]. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 480 с. — (Великие имена. Проза известных людей и о них).

ISBN 978-5-699-82723-7

Рашель — молодая проститутка, сбежавшая на несколько часов от невыносимой жизни в доме терпимости, просыпается под деревом в прекрасном городском саду Арля и обнаруживает, что ее рисует рыжеволосый художник в желтой соломенной шляпе. Художник этот — не кто иной, как Винсент Ван Гог, которого местные жители считают чудным иностранцем. Их встреча становится началом удивительных отношений — между Рашелью и страдающим, талантливым художником возникает глубокая и сильная привязанность.

Но, увы, Рашели не суждено забыть свое тяжелое прошлое в объятиях Винсента, как и не суждено подарить ему покой и гармонию. Душу художника терзают собственные демоны. Неожиданно ужасное событие открывает героине горькую правду о том, кого она любит больше жизни.

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Матвеева Е., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

ISBN 978-5-699-82723-7

Посвящается моей семье и Винсенту

*Когда человек влюбляется по-настоящему,
он словно открывает для себя
новое полушарие Земли.*

Винсент Ван Гог

ГЛАВА 1

Художник

Арль, июль 1888 года

Я предпочитаю писать глаза людей, а не соборы. В глазах есть то, чего не найдешь в соборе...душа человека, пусть даже жалкого попрошайки или уличной девицы, интересует меня больше.

*Винсент – брату Тео,
Антверпен, декабрь 1885 года*

Мне доводилось о нем слышать, но я никогда не видела его, иностранца с чудным именем, который бродил за городом и писал картины – час за часом, на солнце-пеке, с трубкой во рту. Бродил и что-то бормотал, будто не в себе. Ночь он встречал в привокзальных кафе, а кто-то из девушек видел его на улице Буд'Арль, но в наше заведение он никогда не заходил. Наверное, потому что слишком беден – так говорили.

В день, когда я встретила художника, меня тоже поманила к себе природа. Вдоль дороги из города тянулись поля и крестьянские дома с покатыми крышами;

каких-то полчаса — и видишь крестьян, убирающих снопы в амбары, вдыхаешь запах свежескошенной пшеницы, а не дешевых сигарет и духов, представляешь, что живешь в одном из особняков, обсаженных кипарисами, а не в *maison de tolérance*¹ мадам Виржини.

Именно в тот день я ощутила, что задыхаюсь от такой жизни.

Пока остальные девушки отсыпались за закрытыми дверями и заставленными окнами, я ускользнула из дома и спустилась по узкой улочке, тянущейся вдоль средневековых стен и между башенками старинных ворот Порт-де-ла-Кавалери. На окраине города раскинулась площадь Ламартин, а за ней, в обрамлении магазинчиков и гостиниц — городской сад. Мимо грохотали повозки с не проданным на рынке товаром, гуляки у кафе Прадо потягивали напитки, обмахиваясь шляпами. Я обошла повозку и направилась к саду, как вдруг меня остановил громкий голос за спиной:

— Что она здесь делает?

На парковой скамейке сидели две дамы. В платьях с высокими воротниками они походили на черных птиц и кудахтали как две взволнованные курицы.

— Люк, скорее к маман! — кричала одна из них игрившему рядом мальшу. — Куда смотрят жандармы? Почему не защищают приличных людей от всякого сброда?

Девушка посмелее рассмеялась бы и продолжила свой путь, а я глупо застыла посреди дорожки, переводя взгляд с женщин на будку жандармов на другой стороне площади. Обитательницам дома терпимости запрещалось покидать квартал борделей на окраине

---

¹ Дом терпимости (*фр.*).

города — жандармы сразу отведут меня обратно к мадам Виржини. И почему я не причесалась и не надела шляпку, как приличная горожанка...

Жандарм!

Он вышел из будки и направился к нам. Дамы замахали ему зонтиками. Стремясь остаться незамеченной, я бросилась напрямик через живую изгородь в другой конец сада, где знала каждый куст и каждое дерево. Пробравшись сквозь заросли в самый дальний уголок у канала, я без сил опустилась на траву, боясь услышать звук шагов, но тишину нарушали лишь колокола церкви Святого Трофима, отбившие четыре часа, да голоса прачек, достирывавших неподалеку белье.

— Я боюсь... ну сама знаешь чего, — долетели до меня слова юной прачки. — Что мне делать?

— Просто лежи и думай о будущих детишках, — ответил голос постарше. — Со временем привыкнешь.

— Мой при этом сопит, как боров, я так и не привыкла! — встряла третья женщина.

Послышалось хихиканье.

Солдат, которого я ублажала прошлой ночью, — только что из Северной Африки, в глазах безумие пустыни — сопел, как вепрь, роющий землю в поисках трюфелей. Он рычал мне на ухо, каково это — впервые убить человека, а когда все закончилось, ухмыльнулся:

— Что, девка? Понравилось?

Я заставила себя кивнуть — вдруг бы он меня ударил, — но даже после его ухода не смогла заплакать. Скрючившись в жестяном корыте, я смыла с себя его пот, потом на цыпочках вернулась в комнату и всю ночь просидела на стуле у окна.

Теперь в тишине сада слезы струились по щекам. *Что, девка, понравилось?* Слова солдата звенели в голове, как и слова дам на скамейке. *Приличные люди. Приличные люди.* Наплакавшись, я вытерла глаза подолом платья и только тогда услышала стрекот цикад, будто повторявших: «Останься, останься». Трава была мягкой и душистой, а в тени кедра царила приятная прохлада. У мадам Виржини меня ждут не раньше ужина, когда Рауль зажжет фонарь, означающий, что мы открылись. «Спи, — пели цикады, — спи».

Меня разбудил колокольный звон — пять часов. Я была не одна. Рядом под буком сидел мужчина — в руках карандаш и лист бумаги, лицо скрыто полями желтой соломенной шляпы, какие носят крестьяне.

Он рисовал меня.

Я тут же вскочила на ноги. Незнакомец резко поднялся — блокнот и карандаш упали на землю.

— Не подходите, или я!..

— Позвольте объяснить. Я не обижу вас. Меня зовут...

— Я знаю, кто вы. Тот иностранец, художник... За кого вы меня принимаете?

— За девушку, которая устала и уснула в саду, — ответил он, еле сдерживая смех.

Я фыркнула и шагнула к дорожке.

— Простите меня. Не убегайте. Как вас зовут? — Он изумленно смотрел на меня, чуть наклонив голову набок. — Вы, наверное, с «улицы маленьких прелестниц», как я ее называю.

Незнакомец не выглядел сумасшедшим, однако я скрестила руки на груди и вместо того, чтобы назвать свое имя, сказала:

— Дурацкая у вас шляпа.

Он ее снял, обнажив взъерошенную копну волос, таких же рыжих, как и неухоженная борода. Наше южное солнце любовно позолотило рыжину и рассыпало на носу художника веснушки. В лице его читался характер — морщины на лбу и в уголках рта прибавляли ему серьезности, — но ничего неприятного в нем не было. А вот одежда... Синяя рабочая блуза вся в краске, белые брюки протерты на коленях, туфли обляпаны грязью...

Его взгляд из задумчивого стал веселым.

— Теперь-то скажете, кто вы?

— Меня зовут Рашель, — сдалась я. — Да, я живу на «улице маленьких прелестниц», как вы ее называете.

— А я — Винсент, — представился художник, слегка кивнув. — Простите, что напугал. Я работал неподалеку, потом увидел вас и захотел нарисовать.

— Зачем?

Он пожал плечами.

— Просто вы оказались здесь, не двигались, а практика мне не помешает.

Я протянула руку:

— Можно посмотреть? Вы у меня в долгу.

— Это даже не рисунок, так... — он замялся в поисках нужного слова, — *krabbeltje*, каракули. — Его веснушчатое лицо порозовело от смущения. Видя, что я жду, он поднял блокнот с земли и, явно нервничая, протянул мне: — Осторожно, может смазаться.

Набросок был сделан наспех, черным карандашом, но в сплетении линий я узнала себя, забывшуюся беспокойным сном под сенью кедра: смятые юбки, растрепанные волосы. Я посмотрела на художника — он

вытирал туфлю о траву, задумавшись, о чем — по лицу не скажешь.

— Похожа, — вежливо сказала я. — Хороший рисунок...

— Правда? — Его брови удивленно поднялись.

Я пролиставала несколько страниц — кое-где записи, но в основном рисунки: крестьянин в поле, женщина с младенцем, букет, бутылка вина. Художник смотрел на меня с таким видом, что я поспешила вернуть блокнот.

— Простите, мне не следовало...

Он снова наклонил голову набок.

— Может, когда-нибудь я напишу ваш портрет.

— Портрет? Это еще зачем?

— Просто потому, что мне бы этого хотелось. Здесь трудно найти моделей.

— Посмотрим. — Я направилась к дорожке. — Уже поздно, месье, я должна...

Художник подобрал с земли карандаш и с энтузиазмом поглядел на меня.

— Вы идете к себе домой? Я провожу?

— Тут недалеко, я привыкла гулять одна. Но все равно спасибо.

Он прижал блокнот к груди и, кашлянув, робко попросил:

— Хотя бы скажите номер дома! Раз вы знаете обо мне, то наверняка слышали, что я иногда посещаю улицу маленьких прелестниц, но в вашем заведении еще не был. Вы не против, если я как-нибудь зайду?

Его слова звучали смешно и старомодно, словно он просил разрешения прийти на чай.

— Буду рада видеть вас, месье, — ответила я, на мгновение замешкавшись. — Дом номер один, улица

Буд'Арль, салон мадам Виржини. Последний справа, если идти с улицы Риколет.

Художник нахлобучил на голову соломенную шляпу и улыбнулся.

— Буду с нетерпением ждать встречи, мадемуазель. Хорошего дня.

Я кивнула и зашагала по траве в сторону Порт-де-Кавальери. У живой изгороди я обернулась. Он смотрел мне вслед.

«Этому городу не было равных в Римской Галлии, когда Париж еще был грязной деревушкой», — говорил об Арле папá. Сельский учитель, любивший историю, он мечтал показать мне древние руины. Маман не разрешала.

— Не город, а грязный вокзал! — фыркала она. — Не подходящее место для маленькой девочки.

— В Арле наверняка живут маленькие девочки, дорогая, — улыбался папá.

Маман снова фыркала, и на этом разговор заканчивался.

Когда я сошла с поезда на вокзале города Арль много лет спустя, папá со мной не было; он покинул нас несколькими месяцами ранее. Маман умерла еще раньше — мне тогда было всего одиннадцать. В Арль я приехала в поисках лучшей доли. Нежданный снег словно сахарной пудрой припорошил дома, и, как все приезжие, я с изумлением глазела на древнеримский амфитеатр и средневековые колокольни, жалея, что папá всего этого не видит. Я глазела и на самих приезжих, прогуливающих по бульвару де Лис в пальто с пелеринами и мехах; на витрины дорогих магазинов